

Яковлев (Сергей Маркушев) ради наживы готов продать душу дьяволу, загнать в гроб жену. Тем более неожиданна пронзительно-человечная нота. Мечта из далекого, забытого голодного детства: "Я бы дрозда певчего купил, тут один парикмахер дрозда продаст... Замечательный дрозд – два года им люблюсь. Сказочная птица!" Артист говорил это так, что сразу вставала судьба забитого мастером мальчонки на побегушках, тайно по ночам вздыхающего о чистом поле, о певчей птичке. И он же кричит: "Плюю в душу твою!" жене, любимой женщине, единственному близкому человеку. Так создается перспектива развития образа, человеческой судьбы. В монологе Яковлева в третьем акте после ухода Полины звучал и саморазоблачение, и приговор себе, и вопль одинокого несчастного человека.

– Палашка! – рычит пьяное отвратительное животное.

– Пелагея! – в голосе страх неизбежной расплаты за свою бесчеловечность.

– Полина! – это уже стон одинокого, никому ненужного старика. Так работал Бабочкин в своем спектакле над сценическим словом.

На авансцене – огромная рама без стекла. Это зеркало, в которое поочередно смотрят герои. Вот писмоводитель Глинкин (Валерий Бабятинский) – пустой малый, кичащийся своим дворянством, Кемский прочит его в женихи Наташе. Артист играет открытого позера, Хлестакова "местного значения". А вот ярко гротесковый образ Ефимова (Александр Потапов). Агент по распространению швейных машинок, страдающий от заурядности собственной фамилии. Ему кажется, что именно она мешает человечеству оценить его по достоинству. Этот занудный, заумный, ревниво-подозрительный тип надевает на себя личину "мрачного клоуна". Легко ли жить с таким субъектом молодой хорошенькой, полной жизни женщине? Клавдия всегда озабочена тем, как бы надуть своего тошнотворно-скудного мужа ("укус проклятый!") и урвать от жизни часок-другой счастья с очередным кавалером. В исполнении Алевтины Евдокимовой она и цинична, и обаятельна, ее стихийные, "зоо-

логические" порывы (на свете "нет ничего, кроме мужчины") естественнее и лучше, чем тоскливое, однообразное и пустое существование фальшивых людишек. Отметим и гротескный образ Дуни. Ксения Блохина виртуозно играла эксцентрическую фигуру с крашеными локонами – персонажа трагикомического балагана. Истошным голосом пела Дуня мещанский романс "Маруся отравилась". Он звучал дважды: в середине и в финале спектакля.

Блистательно исполняла Ольга Хорькова роль торговки краденым Бобовой. Вот кто здесь настоящая хозяйка, а вовсе не Наташа, вообразившая себя наследницей. Бобова купается в грязи и фальши этой жизни, как рыба в воде. Она сама создает почву для воровства, обмана, распутства. Она здесь царит, владеет и княжит. Монолог о правде поручен спекулянтке, которая торгует чем угодно, и любую правду вывернет наизнанку в своих грязно-корыстных целях. Режиссер еще и усиливает компрометацию нравственных законов низменной "амурной" сценой Бобовой со стариком Кемским. Она хочет воскресить "правду" былого влечения к ней Кемского, а заодно – заставить его платить долги по векселям. Роль Кемского замечательно играл Владимир Кенигсон. Легкомысленный жуир, промотавший состояние, пребывает в эмпиреях воспоминаний и небыточных иллюзий. Столкновение с "грубой" действительностью выбивает его из состояния сладких грез, он смешон и жалок одновременно. Это подлинно трагикомический образ.

Так внешние сюжетные линии оборачиваются пародией, а образ "фальшивой монеты" обретает все большую многозначность.

Что осталось у этих людей, кроме иллюзий, прикрывающих пустоту? Атмосфера сгущается, всеобщее напряжение растет. Безумие и дикость всего этого мирка выражается в нелепой надежде на какое-то небывалое наследство, которым якобы обладает Лузгин, второй "загадочный человек", появляющийся в доме Кемского вслед за Стоговым. С выходом на сцену Лузгина (Д.С.Павлов) действие превращается в эксцентриаду. Тонко, неожиданно, одной броской деталью режиссер время от времени приоткрывает маску на лице Лузгина, показывает дразнящую гримасу безумия, как бы предупреждая окружающих: вот ваше возможное будущее – и снова маска опущена. Снова Лузгин, как все, играет в карты, болтает, смотрит в пустую раму зеркала, где видит лицо своего врага. Зритель понимает, что Лузгин видит самого себя и свою драму в искаженном больным воображением свете.

Последнему акту, в котором сумасшедший должен открыть наконец тайну наследства, предшествует эксцентрическая интермедия, которой нет в пьесе. Пустая комната фантастически оживает: снова скрипят двери, вразной бьют часы, раздаются звонки, в дверях появляется раскрытый зонтик, а за ним Лузгин. Так с зонтом он шествует через всю сцену. Внезапно наткнувшись на свое отражение в зеркале, пугается, потом приподнимает шляпу, раскланивается и выходит, застревая в двери вместе с зонтом.

Финал. Все распалось: союзы, связи, сожительства. Все тайное, подспудное стало явным. Но обитатели старого дома словно в бреду. Опьяненные звоном фальшивой монеты, они накидываются на Лузгина. Каждый убежден, что именно он его наследник. Только Стогов не верит Лузгину. Но он-то и опьянен больше всех. Стогов не любит людей и разоблачает их не во имя правды и добра, а с наслаждением садиста, готового доказывать, что вся жизнь и все люди фальшивы, как и он

сам. Режиссер и исполнитель раскрывают это в Стогове как страсть, как манию. К финалу Стогову кажется, что он всех поймал и изблжил. Он смотрит на монетку, которую Наташе, вместо обещанного наследства, протягивает больной маньяк, и, усмехаясь, говорит: "Фальшивая. Он хорошо сошел с ума." В спектакле Стогов кидается на Лузгина, хватывает монету и высоко поднимает ее. "Фальшивая!!!" – кричит торжествующий Стогов. И в этот момент гаснет свет. В полной темноте слышен шум несущегося поезда. В зале догадываются: именно в эту минуту бросилась на рельсы Полина. Ее смерть – обвинение всем, и Стогову в первую очередь. Полина и ее чувства не были фальшивыми. Они были настоящими. Режиссер заостряет на этом внимание зрителя и требует милосердия к женщине, человеку.

Спектакль "Фальшивая монета" шел в филиале Малого театра примерно раз в месяц. Бабочкин приходил на каждый спектакль и реагировал на все происходящее так живо и непосредственно, будто не он сам построил каждую мизансцену и вылепил каждый образ. Он видел все будто впервые. И так же играли все, без исключения, его актеры. Однажды я подошла к нему в антракте: надо было спросить что-то. Возле него стояли и щебетали две девчонки-поклонницы: "Борис Андреевич, как интересно! Похоже на театр абсурда." "Так ведь гениальный же драматург! – сказал он им. – Весь этот ваш "абсурд" – на обрезках из Горького..."

Тот, кто знал Бориса Андреевича, не даст мне соврать: так мог сказать только он.

Послесловие: в объяснение и оправдание

Не отпираюсь: познакомила их, героя и автора, я, хотя это и без меня бы случилось. Занимаясь театром Горького упорно и увлеченно, Евгения Дубнова Бабочкина миновать не могла. Ведь кто, как не он, открыл нам в Москве этот театр заново, поставив на сцене Малого свою трилогию – "Дачники", "Достигаев и другие", "Фальшивая монета"?

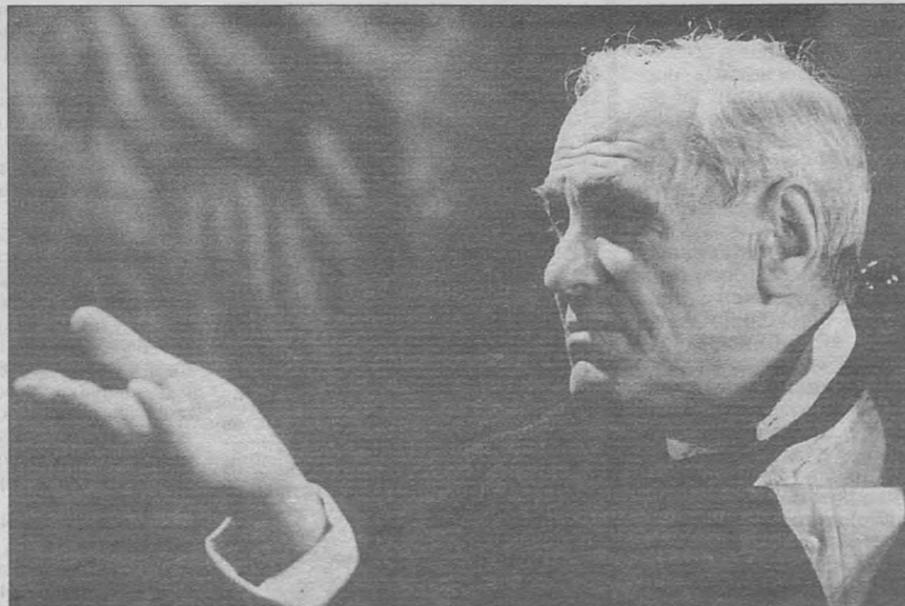
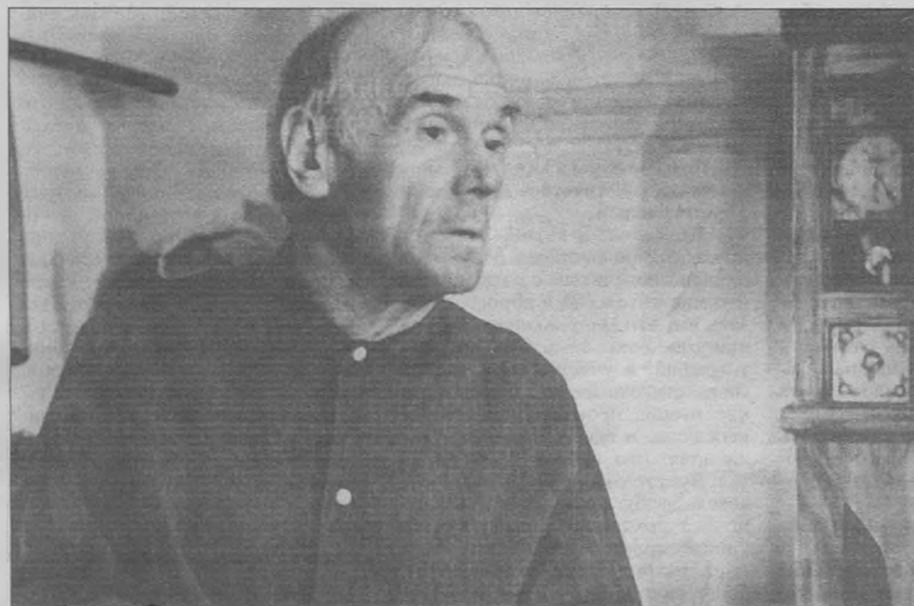
Сейчас это вспоминают нечасто – Горький в перестроечную и постперестроечную пору как бы вышел из моды, оказался почему-то в опале, и только сейчас начинает постепенно выходить из нее. Дубнова, человек независимый и упрямый, никогда не слушался моды. Бабочкин сам ее создавал, хотя "мода" здесь – неточное слово. Он создавал новизну и вводил ее – научным термином – в эстетический обиход. Создавал закон, правило, традицию – нового, "жестокое" Чехова; остро театральное Горького; напоминал о фольклорных, игровых истоках Островского.

Человек полемический, азартный, бесстрашный, Бабочкин воевал с театральными предрассудками, привычками, догмой, заставляя по-новому прочесть ту или иную пьесу, иначе увидеть автора, а то и выбирая себе в работу самое трудное, непонятное, непопулярное произведение, как, скажем, горьковскую "Фальшивую монету". Ранний русский абсурд, толком никем не разгаданный, Бабочкин (в те еще времена!) чувствовал абсурдистскую эту закуску и в великодушном своем полемизме, с вызовом и восторгом ставил Горького выше всех тех, кого мы теперь считаем в классиках XX века. Был в своем праве, как всякий, влюбленный в автора режиссер. По праву победителя (а он победил эту странную пьесу); по праву любви.

Евгения Дубнова, очевидец давнего этого спектакля, запечатлевшая его не по памяти, а сразу, по горячим следам, так его нам и представила. Заодно – восстановив справедливость: о "Фальшивой монете" Бабочкина сказано слишком мало, да и весь Театр его нуждается в новом и полном раскрытии.

Татьяна ШАХ-АЗИЗОВА

Б.А.Бабочкин в ролях:
 ● Достигаева
 ("Достигаев и другие"),
 ● Олеси Смолина
 ("Плотницкие рассказы"),
 ● Иванова ("Иванов"),
 ● Николая Степановича
 ("Скудная история")

Экран и сцена –